

Роман Евлоев

Царственный род Османов столетиями властвовал над обширной территорией и миллионами человеческих жизней в Европе и Азии. Представители великой династии шесть долгих веков перекраивали облик мира. И пусть их триумфы давно отгремели, отзвуки знаменитого турецкого Барабана Победы слышны по сей день. А на повседневность нескольких десятков ныне существующих государств и населяющих их народов по-прежнему влияют былые подвиги и преступления султанов из рода Османа...

- Армия: янычары, ятаганы и ядра.
- Султанский двор: правительство и кадровая политика.
- Величайшие правители и правительницы: Осман I, Баязид II Святой, Сулейман I Законодатель, Хюррем, Кёсем, Турхан.
- Российская агрессия: русско-турецкие войны.
- Новые османы и младотурки.

РОМАН
ЕВЛОЕВ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5897-6

9 786171 258976

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

РОМАН ЕВЛОЕВ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 93/94
Е18

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

В оформлении обложки использована иллюстрация
Mehmet II conquering Constantinople Fausto Zonaro

Популярне видання

Популярное издание

ЄВЛОЄВ Роман
Всесвітня історія.
Османська імперія
(російською мовою)

ЕВЛОЕВ Роман
Всемирная история.
Османская империя

Керівник проекту *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *А. В. Альошичева*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Н. С. Дорохіна*

Руководитель проекта *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *А. В. Алещичева*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Н. С. Дорохина*

Підписано до друку 08.04.2019.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatupa».
Ум. друк. арк. 19,32.
Наклад 5500 пр. Зам. №

Подписано в печать 08.04.2019.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatupa».
Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжковий Клуб
«Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Відруковано
у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика
“Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Отпечатано
в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика
“Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

ISBN 978-617-12-5897-6

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Предисловие

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.

А. Пушкин

«Одною ногою наш великий государь попирает Запад, другою — Восток», — говорили про императора Карла V придворные льстецы. Однако даже в зените славы и могущества династии Габсбургов эти слова гораздо лучше подходили их извечным врагам и соперникам — царственному роду Османов, представители которого столетиями властвовали над миллионами квадратных километров и миллионами человеческих жизней в Европе и Азии. Шесть долгих веков мечты, амбиции, а иногда и капризы османских султанов снова и снова перекраивали облик современного им мира. И пусть их триумфы давно отгремели, отзвуки знаменитого турецкого барабана победы слышны и сегодня: на повседневность нескольких десятков ныне существующих государств и населяющих их народов по-прежнему влияют былые подвиги и преступления султанов из рода Османа.

Судьба этой семьи удивительна и в определенном смысле даже уникальна. Истории других знаменитых фамилий в большинстве своем однородны и линейны — как правило, это стремительная деградация от гениального основателя очередной империи к грызущимся за его наследство бесталанным потомкам. Как правило, скорбный путь таких династий от вершины Олимпа к омутам Леты занимал всего несколько поколений и предсказуемо шел

строго под уклон. Османов, однако, ждал значительно более долгий и несравненно более ухабистый маршрут. Неоднократно их молодое государство оказывалось, казалось бы, на волоске от неотвратимой гибели, и лишь невообразимая удача потомков Османа вкупе с их неимоверным упорством спасали положение. Нехватку исторического опыта первые султаны с успехом восполняли другими достоинствами: непреклонная вера в собственное превосходство помогала им пережить даже самые сокрушительные поражения, бесстрашие приносило новые ошеломительные победы, а щедрость и готовность к компромиссам нередко обращали поверженных врагов в верных союзников.

Именно в этих качествах следует искать истоки грандиозного и совершенно не предвиденного современниками успеха молодого османского государства. Ведь как бы ни были хороши турки на поле брани, одним лишь страхом или силой оружия они не смогли бы долго удерживать в повиновении десятки разношерстных народов, большинство из которых к тому же изначально превосходили завоевателей в своем социальном и экономическом развитии. В отличие от тех же испанских конкистадоров, османы не стремились уничтожить, выкорчевать все чуждое и непривычное, перековать покорившихся им людей по своему образу. Напротив, турки охотно заимствовали лучшее из иноземной культуры, а при необходимости и сами подстраивались под обычаи своих новых подданных.

Необычный для того времени культурный синкретизм османов с удивлением отмечали в своих отчетах послы европейских государств: «Редко когда можно было услышать [при дворе] беседу на турецком, ведь большинство султанских вельмож — ренегаты, сменившие веру отцов, но сохранившие их язык и обычаи». На заседаниях

правительства и во внутренних покоях дворца высшие сановники Порты чаще изъяснялись на сербском и греческом. Аналогичным образом в первые века существования османской державы велось делопроизводство, особенно в европейских провинциях страны. Уважение, пусть и с корыстными мотивами, к чужим достижениям, способность перенимать и интегрировать в собственное общество лучшие образцы чужой культуры — вот краеугольные камни цивилизационного преимущества османов над зачастую более развитыми, но и более инертными соседями.

Европейская историография, оперируя привычными ей терминами, традиционно именует османскую державу империей. Это не совсем верно. Империализм и свойственная ему принудительная ассимиляция, «отуречивание» побежденных, никогда не лежали в основе османской политики. Сами османы называли построенное ими общество «*Devlet-i Âliye*», что означает «Высокое государство». И следует отдать им должное: поначалу османы действительно стремились соответствовать заявленным идеалам. Политический прагматизм, умеренные налоги, гарантированное султанами право собственности на средства производства и подчеркнутая веротерпимость, не распространявшаяся, впрочем, на единоверцев-«еретиков», — ввиду всего этого простолюдины, обитавшие на оккупированных османами территориях, с удивлением обнаруживали, что под «властью тюрбана» жизнь зачастую легче, чем под властью папской тиары.

Однако столетия ксенофобской пропаганды приучили европейцев воспринимать турок, да и мусульман вообще, в образе опереточных злодеев, персонажей почти карикатурных: кровожадных, фанатичных дикарей, свирепых нечестивцев, в которых нет ничего человеческого...

Вот только исторические источники рисуют нам несколько иную картину. Даже византийские хроники, пропитанные — и не без причины — ненавистью к османам, подчеркивают, что урон, причиненный Константинополю и его жителям воинами Мехмеда II Завоевателя, не шел ни в какое сравнение с опустошениями и зверствами, которым подвергли Второй Рим участники Четвертого крестового похода. И два с половиной века спустя воспоминания об этом оставались настолько остры, что во время последней осады Константинополя многие горожане категорически отвергали военную помощь западных «братьев» по вере, предпочитая открыть ворота перед турками, нежели перед латинянами.

При этом внушаемые простому народу страх и враждебность к «восточной угрозе» отнюдь не мешали европейским правителям посматривать на успехи Османов со сдержанным восхищением и даже завистью. Баснословная роскошь сераля и абсолютный характер султанской власти породили при дворах христианских монархов Старого Света моду на все турецкое. Это проявлялось не только в одежде или музыкальных мотивах, но и в попытках позаимствовать у давних соперников самые удачные их находки. Так, например, в армии Речи Посполитой появились отряды собственных янычар, снаряженных и обученных на манер грозного турецкого оригинала.

К сожалению, застарелые обиды, взаимное недоверие и веками пестуемое с обеих сторон предубеждение не изжили себя и по сей день. Когда в декабре 1999 года новостные ленты сообщили о предоставлении Турецкой республике формального статуса страны — кандидата на вступление в Европейский союз, это известие вызвало настоящий шквал общественного недовольства. Иронично, что ЕС, войти в состав которого турки, по мнению

многих, не готовы или даже недостойны, делает сейчас именно то, что почти удалось османам еще пятьсот лет назад, — формирует наднациональное общество, уважающее самобытность своих членов. При всем пресловутом антагонизме Востока и Запада исторические судьбы ведущих европейских народов на удивление точно повторяют непростой цивилизационный путь османов.

Можно еще долго говорить о неопределимых выгодах, извлеченных прагматичными европейскими державами из соседства с Блистательной Портой. О византийских ученых и художниках, чей массовый отъезд на Запад после падения Константинополя дал мощный толчок итальянскому Возрождению. О трудах античных авторов, вернувшихся из забвения Темных веков в переводах и списках османских книжников. О важных для истории науки открытиях турецких алхимиков, металлургов, астрономов и математиков. О вольном и невольном влиянии османов на эпоху Великих географических открытий, о... Много о чем еще можно было бы упомянуть.

Однако же соблазн необоснованно идеализировать или превозносить турок и их султанов — такая же непростительная ошибка, как и огульное их очернение. Османы не были ангелами во плоти, как не были они и демонами в человеческом обличье. За долгие века на турецком престоле восседали самые разные люди: гении и безумцы, мечтатели и догматики, распутники и аскеты, фанатики и безбожники, поэты и невежды, палачи и праведники, ученые и мистики, отчаянные храбрецы и отчаявшиеся трусы...

И это, пожалуй, главный урок, который пронизательный читатель может извлечь из истории рода Османов — несмотря ни на что, они были обычными людьми. Таковыми же, как мы с вами.

РАЗДЕЛ I

ОБЩИЙ ОБЗОР

Армия: янычары, ятаганы и ядра

Во времена Эртогрула, отца основателя династии Османа I Гази, грозная османская армия, долгие века считавшаяся практически непобедимой, еще представляла собой обыкновенное народное ополчение, основу которого составляла характерная для анатолийских кочевников иррегулярная добровольческая кавалерия. Перед очередным набегом в селения и стоянки подчиненных Эртогрулу и Осману племен отправлялись гонцы с призывом «Все, кто хочет воевать!». Любой мужчина, способный носить оружие и готовый рискнуть жизнью ради добычи или славы, мог записаться в ополчение. К заранее объявленной дате он должен был явиться на место сбора со своим конем, оружием и всем необходимым для похода. Ввиду того, что такие рейды совершались регулярно, большинство рейдеров-добровольцев были опытными воинами, дисциплинированными и обученными действовать сообща в несложных боевых порядках.

Участники набегов назывались акынджи¹. За свою службу они не получали платы, кроме взятого в бою, но зато такая добыча не облагалась никакими налогами. По мере расширения подконтрольных османам земель

¹ От тур. «*akı*» — «рейд, набег, нападение».

из акынджи формировались корпуса по территориальному признаку, всех добровольцев ставили на государственный учет. В опись заносились следующие сведения о каждом бойце: имя, имя отца и место рождения. Из разношерстной массы желающих попасть в престижные ряды борцов за веру теперь отбирали только самых крепких и отважных юношей с положительными рекомендациями старосты, священнослужителя или другого авторитетного человека. Как и во многом другом, важную роль в организации акынджи сыграли присоединившиеся к османам ренегаты-инородцы, такие как знаменитый османский военачальник Хаджи Гази Эвренос-бей или бывший византийский губернатор Кесё Михаль. Долгое время корпуса акынджи носили названия по именам их первых командиров, например Михалли — в честь Кесё Михалья. Со временем акынджи превратились во вспомогательные войска авангарда. Их задачами стали разведка и психологическое давление на вражеское население за фронтом наступления основных сил османов.

Переход от эпизодических набегов к планомерному завоеванию поставил османов перед необходимостью формирования регулярной армии. Высокоэффективные в условиях маневренной войны «летучие отряды» рейдеров-акынджи совершенно не годились для взятия хорошо укрепленных городов и крепостей. К тому же не получавшие платы добровольцы не желали участвовать в длительных, не сулящих немедленной добычи осадах. Для этой цели Чандарлы Кара Халил-паша, кади¹ столичной Бурсы, объявил среди тюркских крестьян новый рекрутский

¹ В мусульманских странах судья-чиновник, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата. В Османской империи кади вверялись и административные функции.

набор в отряды пехоты, называемой *яя*, и конницы — *мюсселлем*. Государство предоставляло солдатам все необходимое обмундирование и денежное содержание в размере сперва одного, а затем и двух *акче*¹. Это еще не была регулярная армия в современном понимании термина: жалованье выплачивалось только в походах, а в остальное время рекруты возвращались к своему основному роду деятельности — земледелию или скотоводству. За постоянную готовность к мобилизации в мирный период они освобождались от уплаты налогов, что делало военную службу весьма привлекательной в глазах простолюдинов. Мужчины многих турецких поселений отправлялись в армию поочередно, при этом остававшиеся в резерве односельчане традиционно выдавали уходившим на войну некоторую сумму «на расходы» — в счет будущего жалованья и военной добычи.

Части *яя* и *мюсселлем* недолго просуществовали в качестве основы османского войска. Растущие нужды армии требовали от солдат большего профессионализма, а главное — более узкой специализации. Не меньшей проблемой стал и политический аспект. Неизбежно образовывавшиеся среди мобилизованных солдат землячества и на фронте продолжали сохранять верность скорее феодалу, из чьих земель они прибыли, нежели султану. Еще хуже обстояло дело с *акынджи*. Рейдеры, подолгу действовавшие автономно, на вражеской территории всецело доверяли лишь своему полевому командиру и неохотно подчинялись кому-либо еще, даже если речь шла о «счастливом повелителе» всех османов. Вкупе с алчностью — ведь рекруты продолжали воспринимать войну исключительно

¹ *Акче* — мелкая серебряная монета весом 1,15 г, содержащая первоначально до 90 % серебра.

как источник дармового обогащения — это приводило к беспорядкам и волнениям. Реорганизацией армии занялся султан Мурад I, преобразовавший ее в так называемое «*yeniçeri*» (ени чери), или «новое войско».

При новом устройстве вооруженных сил, просуществовавшем почти полтысячи лет, сухопутная османская армия делилась на две неравные части:

1) Войско центрального управления, или капыкулу, содержавшееся на средства государственной казны и подчинявшееся напрямую султану. Основной ударной силой в нем служили пехотные части аджеми и янычар. В капыкулу входили также артиллеристы (топчу), оружейники (джебеджи оджагы, или «изготовители лат»¹), саперы, логистические подразделения и тяжелая конница.

2) Провинциальное ополчение, снаряжавшееся на деньги местных феодалов, — наиболее многочисленная часть османской армии. Провинциальное ополчение формировалось в основном из тяжеловооруженных кавалеристов — сипахов, своего рода служилого дворянства Османской империи. Сипахи получали от государства земельные наделы (тимары) и взамен были обязаны лично участвовать в военных кампаниях султана и выставлять по его требованию одного вооруженного всадника на каждые три тысячи акче годового дохода. Помимо сипахов в ополчение входили части авангарда: азапи² (иррегулярная легковооруженная пехота, в основном лучники), акынджи и дели (полевая разведка). К «провинциальному корпусу»

¹ Помимо доспехов и шлемов, оружейники изготавливали для янычар луки и стрелы, а впоследствии — ружья, пули и порох, выплавляли свинец.

² От османского «азеб» — «холостяк». Отряды азапи выполняли в сражениях роль застрельщиков и отражали первый, зачастую самый сильный натиск врага. Смертность среди азапи, бывших, по сути, тактическим расходным материалом, «пушечным мясом», была чрезвычайно высока, поэтому в их ряды охотнее брали холостяков — чтобы не увеличивать в империи число вдов и сирот.

относились также гарнизоны пограничных крепостей и тыловые службы: яя, мюсселемы и другие — их использовали для прокладывания дорог, наведения мостов, строительства укреплений, на судоверфях, в государственных шахтах и для других работ.

Первый корпус аджеми оджагы, то есть «необученных», был создан в Галлиполи в конце жизни Орхана I и состоял из военнопленных и специально приобретенных для этого рабов. Наскоро вымуштровав, их бросали в бой или отправляли на тяжелые физические работы вроде строительства дорог и мостов либо организации конных переправ через Дарданеллы. Неудивительно, что, даже несмотря на небольшое жалованье, лояльность первых аджеми была низкой, а процент дезертирства — стабильно высоким. Со временем практику покупки для нужд армии рабов признали неэффективной и неоправданно затратной, и основным источником пополнения рядов янычар стал закон «девширме».

Печально известный закон Мурада II, называемый жителями Балкан «кровная дань», представлял собой налог на немусульманское население империи, по которому раз в три-пять лет из христианских¹ (преимущественно) семей принудительно забирали мальчиков — по одному на каждые сорок дворов — возрастом от восьми до шестнадцати лет для несения службы в корпусе янычар или в султанском дворце. Предпочтение отдавалось юношам лет четырнадцати, высоким, крепким и хорошо сложенным. Процесс отбора строго регламентировался правилами,

¹ «Кровную дань» не платили иудеи и еще несколько категорий османских подданных, однако жители многих традиционно мусульманских регионов империи, боснийцы, албанцы, анатолийские турки, напротив, добивались права участия их детей в девширме. Для выходцев из бедных семей это был едва ли не единственный реальный способ сделать серьезную государственную карьеру.

за исполнением которых следили представители местных светских и религиозных властей. На султанскую службу не брали женатых, сирот, единственных сыновей в семье, детей пастухов и местных чиновников, больных, а также тех, кто владел ремеслом, знал турецкий язык или бывал прежде в Константинополе. Последние два ограничения свидетельствуют о стремлении султана создать собственную, преданную только ему армию — в противовес власти старой тюркской аристократии и популярных полевых командиров газиев¹. С этой же целью при отборе в султанскую гвардию не отдавалось предпочтение никакому народу или региону империи: «Так все народности стремятся превзойти друг друга. Армия же, состоящая из земляков, представляет опасность. У ее солдат нет рвения, они склонны к бунту»². Благодаря такому подходу в константинопольских казармах можно было видеть живущих бок о бок албанцев, греков, босняков, сербов, грузин и даже армян — и все они находились в равном положении.

Отобранных для службы подростков облачали в красивые накидки и островерхие колпаки, стоимость которых оплачивали жители их родного селения (так называемая «плата за халат») и большими группами по сто-двести человек отправляли в столицу. Всю дорогу юношей сопровождали отвечавшие за соблюдение девширме имперские чиновники и вооруженная охрана. Конвою приходилось постоянно быть настороже: всегда оставалась вероятность того, что местные жители попытаются

¹ Газии — войны-добровольцы, участвующие в войнах за веру. В Османской империи термин *гази* стал использоваться как особо почетный титул, который султаны и эмиры прибавляли к своему имени, а также жаловали отличившимся в походах против неверных.

² Из книги «Правление, или Правила для правителей». Османская империя, XVI в.

отбить детей, да и сами мальчишки норовили сбежать при первой возможности. Вот как в своих «Записках янычара» описывает этот путь взятый по девширме Константин Михайлович из Островицы: «...и гнали нас турки, которым мы были поручены. А когда нас вели, мы всегда были начеку: где бы мы ни были, в больших лесах или горах, мы постоянно думали, как перебьем турок, а сами убежим, но мы были тогда так юны, что не сделали этого. Только я с еще двадцатью ночью убежал... и за нами гнались по всей этой земле и, догнав, связали и мучили, волоча за конями; странно, как у нас остались целы души. Потом, когда нас привели, за нас поклялись другие, и среди них — два моих брата, что мы больше этого делать не будем, и так нас спокойно повели за море».

После прибытия в столицу подросткам давали два или три дня отдыха. Затем их осматривали командир янычар и придворный лекарь. Привлекательных юношей спокойного нрава отправляли во дворец, самых способных отсылали на обучение в Эндерун¹. Остальных ждала служба в армии. Но сначала детей на несколько лет отправляли жить в семьи турецких землевладельцев, где они учили государственный язык, постигали основы османских обычаев и религии, приобретали навыки владения разными видами оружия. При этом для предотвращения побега мальчишек девширме тщательно перетасовывали: детей родом из европейской части империи отправляли на воспитание в Анатолию и наоборот. Будущих янычар никогда

¹ Придворная школа, занимавшаяся подготовкой кадров для правительственных учреждений Османской империи. Иногда отбором кандидатов для обучения там занимался лично султан. Выпускники, успешно преодолевшие все семь ступеней обучения, занимали высокие посты, вплоть до главы правительства. Так, из 48 великих визирей Османской империи меньше половины имели тюркское происхождение, остальные же были детьми девширме.

не отдавали в семьи мастеровых или людей духовного звания — считалось, что излишняя образованность или владение ремеслом помешает юношам стать настоящими воинами.

По достижении нужного возраста юношей направляли в логистические или артиллерийские части. Самых способных зачисляли в корпус аджеми, где они получали жалованье в размере один акче в день и возможность стать янычаром. В течение следующих пяти или шести лет аджеми, помимо обучения воинскому искусству, трудились на государственных мануфактурах и таможне, занимались строительством, заготовкой дров, уходом за лошадьми и приготовлением пищи для офицерского состава. Питаться аджеми должны были самостоятельно, продукты оплачивали из своего жалованья. Одежду — верхнее платье, халат и желтый серпуш, конический головной убор — аджеми тоже покупали сами, средства на это им выделялись из казны. Из оружия юношам полагался лишь небольшой кинжал, который они носили на поясе.

Продвижение по карьерной лестнице для аджеми становилось возможным, когда корпус янычар нуждался в замещении погибших или вышедших в отставку бойцов. На освободившиеся места выбирали самых старших и опытных аджеми. Сама процедура перехода в новый статус называлась «выход к воротам». Новоиспеченные янычары получали две золотые монеты «подъемных» и поздравления от бывших товарищей. На этом приятная часть заканчивалась и начинались тяжелые будни новобранца: юношам приходилось выполнять всю черную работу — поддерживать чистоту, следить за уровнем масла в лампадах, носить воду, стирать, топить печи и колоть дрова. Однако же они вливались в ряды элитной султанской гвардии,

в чьих казармах нередко решалось, кто из Османов займет трон, а кто — нишу в семейном склепе.

При вступлении в корпус янычар новобранцы приносили клятву беспрекословно повиноваться офицерам, свято чтить законы воинского братства, неукоснительно следовать религиозным заветам, отказаться от недостойной воина-мусульманина роскоши, а кроме того не жениться и не иметь детей. Строжайший кодекс поведения, религиозный фанатизм и обязательный обет безбрачия делали янычарский корпус удивительно похожим на европейские ордена рыцарей-монахов. Однако христианские рыцари, остававшиеся, по сути, воинами-любителями, в массе своей значительно уступали янычарам выучкой, способностью к скоординированным действиям на поле боя и, главное, дисциплиной.

В мирное время самой важной обязанностью янычар была охрана правительства и самого султана. На прогулке его всегда сопровождала дюжина телохранителей, которые, чтобы не поворачиваться к султану спиной, обучались стрельбе из лука левой рукой. Мехмеда II Завоевателя оберегала целая сотня лучших османских бойцов, следовавших за ним повсюду, при необходимости спешиваясь или пускаясь вплавь. Со временем численность телохранителей султана выросла до двух сотен воинов, а во время военных походов османского правителя или его палатку постоянно окружали четыре полка султанской гвардии, вокруг которых располагались остальные янычары.

Кроме обеспечения безопасности первых лиц государств и охраны иностранных посольств янычары исполняли и другие полицейские функции: патрулировали улицы, следили за порядком в порту, несли караульную службу на стенах, а также открывали и закрывали городские

ворота. Еще одной важной обязанностью янычар было тушение пожаров. По иронии судьбы казармы самих янычар, традиционно строившиеся из дерева, частенько горели, что вынуждало элитных пожарных месяцами жить в палатках на плацу.

В военное время янычары участвовали в османских кампаниях практически в полном составе. В столице оставались лишь ветераны, возраст которых не позволял эффективно сражаться. Они охраняли казармы и имущество ушедших на войну товарищей. На поле боя янычары находились в центре османского построения, с обоих флангов прикрытого конницей. В начале сражения османы старались измотать противника столкновениями с легкой пехотой, а затем смять вражеское построение атакой тяжелой кавалерии. После этого, помолившись, в битву вступали янычары.

Поначалу султанских гвардейцев вооружали копьями, но с распространением более подходящего для рукопашного боя оружия — булав, тяжелых секир, сабель и ятаганов — многие янычары не отказались от использования древкового оружия вроде алебард и бердышей. Славились янычары и своей меткостью, поначалу при стрельбе из роговых луков, а позже — из огнестрельного оружия. Железная дисциплина и высокое мастерство владения оружием на несколько веков обеспечили султанской гвардии весомое преимущество над врагами Османской империи.

Эффективность янычар в бою была настолько велика, что некоторые христианские государи завели себе личную гвардию, скопировав если не боевые качества лучших османских воинов, то их внешний вид. Янычар выделял в толпе особый головной убор — белый войлочный колпак бёрк высотой 45 см, история которого восходит

к сыгравшему большую роль в становлении османской державы религиозному братству ахи, главой которого одно время был султан Мурад I. Форменной одеждой янычар было верхнее платье синего сукна и шаровары. Высшим гвардейским чином в качестве знака отличия полагалась меховая оторочка. Также янычара легко было узнать по цвету сапог — они шились в основном из красной кожи, а у старших офицеров и воинов привилегированных подразделений сапоги были желтого цвета.

Но больше всего янычар выделяли их знаменитые ятаганы. Такая популярность необычных, вогнутых клинков объясняется забавным юридическим казусом: после высочайшего указа, запрещающего янычарам ношение в столице длинных мечей, султанские гвардейцы просто велели кузнецам сделать лезвия разрешенных им поясных ножей длиной с руку взрослого мужчины...

В конце концов именно подобная самонадеянность и погубила прославленную османскую пехоту. Упадок янычар начался с правления Мурада III, который перестал участвовать в военных походах, оставив свою гвардию без привычного дела. Воины покинули казармы, начали обзаводиться семьями, заниматься торговлей и ремеслами, за что получили в народе презрительное прозвище «ловкачи». С течением времени из грозной силы, столпа османской армии и гордости всей державы янычары превратились в устаревшую, строптивую и практически бесконтрольную полицию, чаще обнажавшую оружие на столичных улицах и площадях, чем на полях сражений. Окончательно доверие правителей гвардия утратила после убийства янычарами пытавшегося реформировать их корпус Османа II. В июне 1826 года последний янычарский бунт был жестоко подавлен Махмудом II. Финальную точку в некогда

славной истории янычар поставили пятнадцать пушечных залпов, превративших гвардейские казармы в дымящиеся руины. Символично, что один из символов утраченного имперской величия был уничтожен посредством применения другой поблекшей легенды — знаменитой османской артиллерии.

Точное время создания османского артиллерийского корпуса, или топчу, неизвестно. В первый век существования династии турки использовали — не слишком, впрочем, успешно — баллисты и катапульты древнего образца. Считается, что пушки османы впервые применили в бою 15 июня 1389 года на Косовом поле, но настоящий взрыв интереса к артиллерийскому делу случился почти сто лет спустя, при Мехмеде II Завоевателе. Все мечты султана овладеть византийской столицей разбивались о ее неприступные тысячелетние стены. Состоявшие на вооружении османской армии требушеты¹ и малокалиберные орудия не могли пробить в них брешь, достаточную для успешного штурма города. Очевидно, что османам требовалась мощная осадная артиллерия, но... Турки, вчерашние кочевники, не умели отливать пушки! Ответом на молитвы султана стало предложение некоего Урбана, инженера и оружейника родом из Венгрии.

«Я могу изготовить бомбарду, которая будет бросать каменные ядра любой величины, — заявил Мехмеду II мастер, — ...не только [стены Константинополя], но и стены Вавилона превратит в порошок выпущенное из моей бомбарды ядро». Получив от султана карт-бланш, Урбан в течение года доказал, что его слова не были пустым бахвальством. Главной гордостью венгерского мастера

¹ Требушет — метательная машина, использовалась при осаде городов и крепостей.

стала отлитая им из бронзы бомбарда «Базилика». 29 мая 1453 года выпущенное ею шестисоткилограммовое ядро обрушило участок крепостной стены византийской столицы и обеспечило туркам долгожданную победу. Это гигантское орудие имело в длину более восьми метров и весило больше тридцати тонн, а для его обслуживания требовался расчет из семи сотен человек! Сделав всего несколько оглушительных выстрелов, чудовищная бомбарда разрушилась от сильной отдачи. Ее создатель Урбан пережил свое творение ненадолго — вскоре его убило осколками от взрыва им же отлитой турецкой пушки. Но главное, до своей кончины венгерский мастер успел обучить османов литейному делу. Всего через десять лет после штурма Константинополя, в 1464 году, султанский оружейник Мунир Али смог повторить шедевр Урбана, создав «Дарданелльскую пушку», младшую сестру пришедшей в негодность «Базилики». Вскоре уже сами европейцы учились у османов — в 1480 году нюрнбергский мастер увозит на родину усовершенствованную турками конструкцию плавильной печи и фитильного замка. В начале XVI века в константинопольских цехах впервые в Европе начинают изготовление больших литых железных пушек, причем по технологии, отличной от европейских, и с использованием неизвестных западным мастерам присадок. Отдельного упоминания заслуживают уникальные на тот момент многоствольные турецкие орудия.

Главные литейные мастерские Мехмед II распорядился построить в завоеванном им Константинополе, в арсенале Топхане¹. С расширением имперских территорий время доставки пушек в места боевых действий превысило

¹ Район Константинополя на месте бывших казарм артиллеристов до сих пор носит это название.

разумные пределы, и для нужд армии начали устраивать литейные производства в приграничных крепостях. Ядра для пушек обычно отливались сразу на рудниках и силами армейских логистов доставлялись в нужное место. Орудия строились не только для сухопутных войск, но и для использования на море. Так, в 1499 году в битве при Зонкьо турки впервые в истории применили пушки, установив их на кораблях. Наследники Фатиха продолжили увеличивать артиллерийский корпус топчу. В армии его правнука, Сулеймана I, было уже более 300 орудий разного калибра — впечатляющее по тем временам количество. Почтение Османов к этим «богам войны» косвенно засвидетельствовано в названии султанской резиденции Топкапы, что переводится как «Пушечные ворота». Дворцовый церемониал предписывал давать в честь султана почетный залп всякий раз, когда повелитель османов проезжал через ворота.

Подобный интерес к артиллерийскому делу полностью оправдывал себя — именно знаменитые османские пушки неоднократно помогали имперским войскам одерживать громкие победы над армиями европейских государей, египетских мамлюков и персидских шахов. Залогом успеха было не только численное, но и техническое превосходство османской артиллерии. Благодаря доступу к богатым залежам необходимых материалов — металлам, песку, глине и даже речному илу, — турецкие оружейники могли использовать в производстве более качественные сплавы. Вкупе с небольшими хитростями — например, проливанием пушечных стволов между залпами маслом — это обеспечивало османским батареям бóльшую надежность и скорострельность в сравнении с вражескими аналогами. Единственным и поначалу несущественным слабым местом османской артиллерии было отсутствие единого для

всех военных производств стандарта, что затрудняло изготовление боеприпасов и уменьшало эффективность ведения стрельбы на поле боя, так как при смене артиллерийского расчета не всегда было понятно, какими снарядами и каким количеством пороховой смеси следует снаряжать каждую конкретную пушку.

Достигшее к XVI веку наивысшей точки, османское пушечное дело в течение всего следующего столетия постепенно сдавало свои позиции, все больше уступая первенство европейским оружейным производствам. Попытки правительства реформировать в конце XVIII века турецкую военную промышленность натолкнулись на сопротивление — а местами и откровенный саботаж — со стороны консервативного армейского командования. Новшества в военной технике или тактике принимались ими в штыки как ненужные и даже оскорбительные излишества. На пути технического прогресса империи встали не только пренебрежение успехами давних врагов и косность мышления османских генералов, но и их жадность. Открытие новых морских маршрутов в обход османских границ и закономерное падение доли империи в международной торговле опустошало казну, а привыкшая к роскоши армейская верхушка не желала тратить все более скудные средства на модернизацию. Участвовавшие поражения имперского войска малодушно подавались ими как временные неудачи, несущественные на фоне столетий славных побед османского оружия.

Упадок коснулся всех подразделений имперской армии. Массовое распространение огнестрельного оружия и появление скорострельной артиллерии свело на нет эффективность самых многочисленных ударных войск османов — тяжеловооруженной конницы. Усугубляли

положение и внутренние проблемы. Оперативность командования снизилась, о былой дисциплине не было и речи. Нанятые для модернизации имперской армии европейские специалисты с раздражением констатировали: «В пятидесяти тысячах французов или немцев больше солдат, нежели в четверти миллиона турок».

К середине XIX века империя окончательно отказалась от таких пережитков прошлого, как янычары или феодальная кавалерия. На смену им пришла вполне современная армия, сформированная по европейскому образцу. Однако, несмотря на все усилия султанов-реформаторов, она значительно уступала западным аналогам и в численности, и в выучке, и в техническом оснащении. При этом одной из главных проблем была острая нехватка компетентного офицерского состава. Командование все больше увлекалось политикой, пренебрегая своими непосредственными обязанностями. Вполне закономерно, что в начале XX века это привело сначала к революции, а затем и к окончательному краху не способной более защитить себя империи...

Впрочем, османская армия, в тринадцатом веке представлявшая собой иррегулярное кавалерийское ополчение, просуществовала достаточно долго, чтобы в начале века двадцатого застать боевую авиацию. Впервые были успешно применены летательные аппараты в военных целях во время Балканской войны 1912 года, в ходе которой для наблюдения за маневрами противника турки использовали разведывательные аэростаты.

Успешная бомбардировка Триполи итальянской авиацией убедила турецкое правительство в необходимости развития собственных военно-воздушных сил. 27 апреля 1913 года, в день годовщины воцарения Мехмеда V Решада, состоялся первый полет турецкого самолета

«Османлы»¹, построенного на пожертвования населения, а также самого султана и членов правительства. К началу Первой мировой войны на вооружении османской армии было одиннадцать крылатых машин, из которых подняться в воздух могла только половина... К 1916 году, в основном благодаря военно-технической помощи союзной Германии, османский воздушный флот увеличился до 90 самолетов. Они не успели сыграть сколько-нибудь значимой роли в войне, ограничившись воздушной разведкой и несколькими точечными бомбардировками.

Напоследок нельзя не упомянуть еще одно, очень специфическое, подразделение османской армии, в почти неизменном виде просуществовавшее до наших дней и повлиявшее в свое время на европейскую культуру не меньше, чем османские пушки на европейскую политику. Речь идет о старейшем в мире военном оркестре, называемом «Мехтер». Считается, что его история восходит к оркестру, подаренному в 1289 году Осману I сельджукским султаном Куй-Кубадом III. Грозные марши в его исполнении никогда не были развлекательной музыкой и долгое время воспринимались европейцами как гремучая дикарская какофония, издаваемая янычарами исключительно с целью устрашения врага. И действительно, игра янычарского оркестра если и не ввергала христиан в ужас, то наводила их на самые гнетущие мысли: сразу после покорения очередного города по его улицам торжественно проходили османские музыканты, звоном литавр и боем барабанов объявляя местным жителям, что отныне они принадлежат к новому, чуждому им миру...

Лишь в начале XVIII века на турецкие марши обратили внимание западные композиторы. Подражание специфиче-

¹ То есть «осман», «османец».

ским восточным тембрам и ритмам становится модным. Звучания а-ля *turca* появляются в произведениях Глюка, Гайдна, Гретри, Моцарта и Бетховена, а «янычарские марши» оказали большое влияние на развитие полковых оркестров в армиях западных стран. Полные комплекты янычарских инструментов, иногда и вместе с музыкантами, османские султаны отправляли в дар ко дворам европейских монархов — в Австрию, Пруссию, Польшу, Францию и даже в далекую Россию... Со временем, с уменьшением влияния Османов на европейскую политику, сошла на нет и мода на янычарские мелодии. Однако оркестр «Мехтер» играет свои воинственные гимны и сегодня, пусть это и воспринимается всего лишь как историко-этнографический аттракцион.

Флот: Рыжая борода и другие османские корсары

Трудно представить себе людей более далеких от морского дела, чем кочевники. Поэтому, даже получив выход к морю и подчинив себе несколько крупных портовых городов, османы оставались посредственными мореходами, воспринимавшими неустойчивую палубу корабля как неизбежное зло и крайне ненадежное средство передвижения. К счастью для турок, им не было нужды заново «изобретать корабль» — подобно многим другим технологиям, кораблестроение и навигация достались османам по наследству от побежденных ими соседей. Первой базой зарождающегося османского флота стал захваченный Орханом в 1337 году порт Измит. Выгоды от этого приобретения очень быстро поборолли изначальный скепсис вчерашних

кочевников по отношению к морскому транспорту. Всего несколько месяцев понадобилось амбициозным Османам, чтобы по достоинству оценить открывшиеся перед ними возможности. Доступ к водам Мраморного моря и берегам Босфора не только позволил туркам свободно вторгаться в европейские провинции византийцев, но и дал им реальный шанс атаковать имперскую столицу — блистательный Константинополь. Появление у Орхана собственного флота делало знаменитый пророческий сон Османа все более похожим на правду...

Орхан, как почтительный сын, разумеется, не преминул попытаться воплотить мечту отца в жизнь. Уже в 1338 году тридцать шесть османских кораблей, на борту одного из которых находился он сам, угрожали древнему Константинополю. Но, как это часто случается и с простыми людьми, столкновение с жестокой реальностью развеяло грезы османского лидера — в коротком морском сражении турецкий флот был частично потоплен, частично захвачен несравненно более опытными в абордажных атаках греками. Подчеркивая превосходство ромеев над варварами, Никифор Григора насмешливо отметил в своей хронике, что в скоротечном бою имперская армия не потеряла ни одного матроса.

В последующие полтора века европейцы — в особенности бесспорные хозяева Средиземного моря венецианцы — неоднократно преподавали османам этот горький урок. Так, 27 мая 1416 года флот из 10 галер Светлейшей республики, возглавляемый талантливым генерал-капитаном Пьетро Лоредано, взял на абордаж 25 турецких военных кораблей, а остальные пустил на дно вместе с десятками османских моряков и их адмиралом Чалы-беем. Столь же унижительные поражения турки терпели от генуэзцев и даже

от бургундцев, прежде уже битых османами на суше. Впрочем, куда сильнее тщеславия первых султанов страдала их военная логистика, жизненно важная для державы, чьи владения разделяли по-прежнему не подвластные им морские волны. И все же главная проблема состояла в другом: слабость турецкого флота не позволяла османам блокировать Константинополь с моря, без чего любая осада превращалась в дерзкий, но бессмысленный кавалерийский парад под восьмиметровыми стенами имперской столицы.

Первые серьезные шаги по исправлению сложившейся ситуации сделал султан Мурад II. На службу во флот вербовали молодых холостяков, которых называли «дениз азеблер», или «морские азапи»¹. Стремление набирать в качестве моряков неженатых мужчин понятно — смертность среди первых османских мореплавателей была весьма и весьма высока... Тем не менее уже при Мураде II на турецких кораблях служили почти две тысячи турок. Они делились на работников верфей, строителей и ремонтников и собственно матросов. Дело Мурада II продолжил его неистовый сын — Мехмед II Завоеватель, уделявший развитию флота не меньше внимания, чем созданию обожаемой им артиллерии. Однако даже рвение султана не могло изменить объективного соотношения сил на море — поспешно построенный и несовершенный турецкий флот, по меткому выражению историка Эдуарда Гиббона, был создан не талантом народа, а лишь волей султана, так что волны и ветер по-прежнему принимали сторону настоящих моряков.

Досадным тому подтверждением стал прорыв генуэзцами организованной османским адмиралом Балтоглу морской блокады осажденного Константинополя. Невзирая

¹ От османского «азеб» — «холостяк».

на все усилия турецкого флота, четыре груженных зерном и оружием галеры пробились к причалам Золотого Рога. «...Тучи дротиков не давали опускать в воду весла, а море превратилось как бы в сушу. ...Моряки же генуэзских кораблей, как орлы крылатые, словно молнии, низвергали из метательных машин снаряды и разбивали неприятельские корабельные снасти, — так описывал морское побоище византийский историк Дука. — И страх немалый сделался у турок». Потери османов в тот день исчислялись тысячами сгоревших и утонувших матросов. Мехмед II разжаловал Сулеймана Балтоглу и, несмотря на полученное адмиралом тяжелое ранение, лично подверг его унижительной порке.

Следует отметить, что, к чести османов, ужасный разгром не заставил их опустить руки. Раз капитаны не смогли привести «морских азапи» к победе по непредсказуемым волнам, значит, нужно сделать это понятным и привычным способом — по суше. На следующий же день турки волоком перетащили 70 тяжелых боевых кораблей в тыл небольшому, но грозному флоту противника и пусть так, но добились своего — взяли залив под контроль.

Хотя всю ответственность за неудачи флота Мехмед переложил на плечи — и спину! — несчастного Балтоглу, султан отчетливо понимал, что легкость побед венецианцев и генуэзцев объясняется не только мастерством республиканских моряков, но и техническим превосходством их кораблей: посадкой, высотой защитных бортов, скоростью и маневренностью. Поэтому сразу после взятия Константинополя Мехмед II повелел не только нарастить, но и модернизировать турецкие военно-морские силы. К 1470 году к османским портам были приписаны уже 90 тяжелых галер, а на верфях Галлиполи и Константинополя закладывались все новые и новые корабли. К началу правления

Баязида II Святого, сына Мехмеда Завоевателя, османы стали по европейским лекалам строить крупные военные суда, не уступающие по своим характеристикам венецианским. Именно в войне со Светлейшей республикой турецкий флот добился первых по-настоящему громких побед, и прежде всего благодаря действиям корсаров и выдающихся османских флотоводцев Бурак-реиса и Кемаль-реиса.

Кемаль родился в Галлиполи, в семье анатолийских турок. Главная османская верфь, находившаяся в те годы в родном городе Кемаля, определила жизненный путь мальчика. Кемаль-реиса и некоторых его коллег часто называют османскими пиратами, но это неверно — свою карьеру Кемаль начинал как капер¹. Репутация удачливого и отчаянного морехода, полученная молодым человеком на службе во флоте санджак-бея (то есть губернатора) Евбеи, привлекла к нему высочайшее внимание. В 1487 году султан поручил Кемаль-реису оказать военную помощь Мухаммеду XII Абу Абдаллаху из династии Насридов, последнему эмиру Гранады. После падения Малаги он просил османов и мамлюков о поддержке, необходимой для спасения от Реконкисты² последнего мусульманского анклава на Пиренейском полуострове. К несчастью для Насрида, его мольбы остались без должного внимания — две крупнейшие исламские империи были слишком заняты, воюя друг с другом. Впрочем, Баязид II рассматривал возможность высадки,

¹ Каперы (голл. «*kapen*», от «*kapen*» — «разбойничать на море») — частные лица, которые с позволения правителя, используя легкое вооруженное судно, также называемое капером, во время войны нападали на неприятельские торговые суда (в отличие от пиратов, грабивших всех без разбора), а также на суда нейтральных стран, если они подвозили неприятелю провиант или оружие.

² Отвоение народами Пиренейского полуострова в VIII—XV вв. территорий, захваченных арабами и берберами (маврами).

при поддержке местных морисков¹, крупного десанта в Валенсии, но в итоге предпочел сосредоточиться на проблемах собственной державы, а спасать в Иберии репутацию Османов как лидеров исламского мира доверил тридцатипятилетнему Кемаль-реису.

Османский экспедиционный корпус под его командой отбил Малагу и занял близлежащие деревни. Добиться большего, не располагая силами, достаточными для продвижения вглубь полуострова, было невозможно, и Кемаль-реис занялся хорошо знакомым и привычным ему делом — налетами на прибрежные поселения и грабежами христианских судов. На Корсике, Балеарских островах и даже в окрестностях итальянской Пизы Кемаль захватил множество пленных, после чего вновь обрушился на берега Андалусии. Здесь, в бесплодных попытках помешать продвижению испанцев, он многожды обстреливал Малагу, Эльче и Альмерию, но заметное место в истории Кемалю обеспечила другая, сугубо гражданская миссия. Между 1490 и 1492 годами его флот совершил несколько нетипичных для каперов пассажирских рейсов — из Гранады вывозили спасавшихся от бесчинств инквизиции и насильственной христианизации испанских евреев и мавров.

Европейские беженцы, в большинстве своем опытные ремесленники и торговцы, принесли своей новой родине неоценимую пользу. Султан Баязид открыто потешался над глупостью короля Фердинанда, выжившего из Испании тех, кто делал ее богаче. Для Кемалю же чужие потери обернулись прибылью — что характерно для пиратов. За верную службу и оказанную империи услугу султан

¹ Мориски (*буквально*: «маленькие мавры») — в Испании и Португалии мусульмане Аль-Андалуса, официально принявшие христианство, а также их потомки.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
Раздел 1. Общий обзор	10
<i>Армия: янычары, ятаганы и ядра</i>	10
<i>Флот: Рыжая борода и другие османские корсары</i>	27
<i>Султанский двор: правительство и кадровая политика</i>	52
<i>Эндерун — интернат для элиты</i>	57
<i>Экономика: перец, серебро и хлеб</i>	60
Раздел 2. Персоналии	69
<i>Осман I. Ведомый пророчеством</i>	69
<i>Орхан Защитник веры. Почти настоящий султан</i>	79
<i>Мурад I Преданный. Убийца братьев</i>	89
<i>Баязид I Молниеносный. Человек в железной клетке</i>	101
<i>Мехмед I Книжник. И даже смерть не освободит вас</i>	116
<i>Мурад II. Человек, воспитавший Дракулу</i>	128
<i>Мехмед II Завоеватель. Сановник и садовник</i>	142
<i>Баязид II Святой. Турецкий Шиндлер</i>	178
<i>Селим I Свирепый. Править — значит карать!</i>	203
<i>Сулейман I Законодатель. Великолепный век Османов</i>	219
<i>Женский султанат. Полтора столетия власти матерей и наложниц</i>	243
<i>Эра Кёпрюлю. Высокая Порта против Пушечных ворот</i>	322
Раздел 3. Конец султаната	337
<i>Стагнация: жизнь на задворках Европы</i>	337
<i>Российская агрессия: русско-турецкие войны</i>	341
<i>Последний султан</i>	347
<i>Потомки</i>	358